

УДК 316.61:314.15

ИНВЕРСИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ ПРИ МИГРАЦИИ

А.С. Ким, Е.А. Шумакова

Рассматривается трансформация гендерных ролей как один из механизмов социокультурной адаптации у мигрантов.

Ключевые слова: гендерно-ролевая трансформация; гендерные стереотипы; миграция; этно-культуральные факторы; социокультурная адаптация.

INVERSION OF TRADITIONAL GENDER ROLES IN CASE OF MIGRATION

A.S. Kim, E.A. Shumakova

Transformation of gender roles is one of the mechanisms of migrants' sociocultural adaptation.

Key words: gender and role transformation; gender stereotypes; migration; ethnic and cultural factors; sociocultural adaptation.

В условиях нарастающих глобализационных процессов в современном обществе миграция является довольно распространенным явлением.

По данным Национального статистического комитета Кыргызстана, только за 2010 г. из страны уехали 54 тыс. 531 чел., из которых 25 тыс. 487 чел. – молодые люди в возрасте от 14 до 28 лет [1].

Интеграционные процессы в структуре этнокультуральных характеристик влияют на особенности личностной идентификации и динамику полоролевой идентификации [2]. Столкновение с иной культурой приводит в действие механизмы ресоциализации, которые протекают через взаимосвязанные процессы дезадаптации и адаптации, что предполагает определенное блокирование ряда усвоенных прежде норм, установок и паттернов поведения. Важно отметить, что уровень такого блокирования зависит от ряда факторов: возможны разные варианты – от “фиксации” прежних норм без их изменения с блокированием любой новой информации до полного растворения в новой культуре [3].

Антропологические и социально-психологические исследования кросс-культурной роли гендера в таких странах, как Украина, Кения, Либерия, Индия, Мексика, Филиппины, Окинава, Гватемала, Перу и некоторые штаты США различными учеными (Н.И. Буркало, 2010, Whiting & Edwards, 1988) подтвердили, что во всех изучаемых культурах мальчикам прививалась маскулинность, а девочкам – фемининность. Следовательно, “сте-

реотипная” полоролевая идентификация характерна для большинства этнических групп.

Миграция, как и любое другое экстремальное состояние, порождает экзистенциальный динамический конфликт – результат конфронтации с конечностными данностями (конфликт свободы и конфликт изоляции). При этом может произойти активация защитных механизмов, сопровождаемая тревогой, агрессией и ограничивающая личностный рост [4–6].

В последние годы представления о мужских и женских половых ролях, а именно, полоролевых стереотипах, подвергаются критике со стороны ряда авторов [7–10]. Они служат источником психической напряженности, тормозят развитие тех качеств, которые не соответствуют полоролевому стереотипу. Непринятие их вызывает общественное осуждение, что заставляет личность совершать над собой насилие.

Обучающиеся определенным ролям индивиды усваивают, как правило, идеальную картину окружающей действительности, а не реальную культуру и реальные человеческие взаимоотношения [11]. Удаленность Эго-реального от Эго-идеального мешает самоактуализации вследствие активизации МПА. Аналитическая психология также описывает интеграцию мужчины с Анимой, а женщины – с Анимусом как путь к личностной гармонии [12], чему препятствуют гендерные стереотипы.

Взаимосвязь гендерно-ролевой трансформации и миграции, влияние этой трансформации на

социально-психологическую адаптацию, а также оценка субъективного благополучия личности (в контексте аффективных переживаний) в зависимости от принятия или непринятия гендерных стереотипов – основополагающие вопросы, которым и посвящено данное исследование.

Цель – изучить особенности процесса инверсии гендерно-ролевого поведения у мигрантов, обуславливающие специфичность клинико-психологических механизмов, определяющих характеристики трансформации феномена “маскулинность – фемининность” в процессе социальной адаптации.

Задачи:

1. Идентифицировать доминирующие гендерно-ролевые формы поведения у мигрантов.
2. Выделить структуру клинико-психологических механизмов, обуславливающих процесс полоролевой трансформации.
3. Определить специфичность аффективных сдвигов, сопряженных с приверженностью гендерно-ролевым поведенческим стереотипам у респондентов в процессе социальной адаптации.

Материалы и методы исследования. Для решения поставленных задач было исследовано 76 человек в возрасте 22 ± 2 года. Основная группа составила 38 чел., мигрировавших из Кыргызстана в города России и Европы с целью обучения, контрольная группа – 38 студентов, обучающихся в Кыргызстане. Все респонденты были репрезентативны по полу и возрасту.

Методы исследования: опросник С. Бем “маскулинность – фемининность”, стандартизованные шкалы по оценке тревоги Спилбергера – Ханина, депрессии Цунга, Торонтская шкала алекситимии (TAS), опросник Л.Г. Почебут “Тест агрессивности” (модификация опросника Басса – Дарки), включающий показатель социальной адаптированности.

Результаты и обсуждение. В ходе проведенного исследования была идентифицирована трансформация гендерно-ролевого поведения у мигрантов в контексте аффективного компонента и процесса социальной адаптации [таблицы 1–6]

В контрольной группе у лиц мужского пола превалирует маскулинность (91 %), а у лиц женского пола – фемининность (82 %).

В основной группе у респондентов мужского пола превалирует фемининность (73 %), а у респондентов женского – маскулинность (78 %).

В основной группе корреляции между гендерными ролями и каким-либо аффективным компонентом не выявлено. Наблюдалась сильная обратная связь между уровнем алекситимии и агрессивности ($r = -0,663$; $P \leq 0,001$) и уровнем депрессии и алекситимии ($r = -0,430$; $P \leq 0,05$).

В контрольной группе фемининность коррелировалась уровнем тревожности ($r = 0,445$; $P \leq 0,05$), также наблюдалась сильная обратная связь между маскулинностью и тревожностью ($r = -0,578$; $P \leq 0,05$) и фемининностью и агрессией ($r = -0,438$; $P \leq 0,05$).

Таблица 1 – Распределение респондентов по гендерным ролям в контрольной группе

Пол	Маскулинность		Фемининность		Андрогинность	
	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %
М	16	91	2	9	0	0
Ж	2	9	16	82	2	9

Таблица 2 – Распределение респондентов по гендерным ролям в основной группе

Пол	Маскулинность		Фемининность		Андрогинность	
	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %	кол-во респондентов, n	кол-во респондентов, %
М	2	10	14	73	3	16
Ж	15	78	4	22	0	0

Таблица 3 – Сравнительные характеристики тревожно-депрессивного компонента, агрессии и алекситимии в контрольной (КГ) и основной (ОГ) группах

Группа	Уровень депрессии по шкале Цунга, $M \pm m$	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, $M \pm m$		Уровень алекситимии по TAS, $M \pm m$	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, $M \pm m$	p
		личностная	ситуативная			
КГ	$52 \pm 1,5$	46 ± 2	$51 \pm 1,9$	55 ± 2	$16 \pm 0,7$	$p \leq 0,05$
ОГ	$45 \pm 1,2$	$39 \pm 1,9$	$42 \pm 1,4$	61 ± 2	$18 \pm 0,9$	$p \leq 0,05$

Таблица 4 – Динамика трансформации гендерно-ролевой идентификации и аффективных сдвигов в зависимости от периода проживания за рубежом

Период проживания (г)	Уровень депрессии по шкале Цунга, М ± m	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, М ± m		Уровень алекситимии по TAS, М ± m	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, М ± m	Степень трансформации, (%)
		личностная	ситуативная			
1–3	49 ± 1,2	41 ± 2,7	45 ± 1,6	64 ± 1,7	16,9 ± 1	70
3–5	40 ± 0,8	35 ± 2,2	39 ± 1,7	56 ± 3,8	19 ± 1,3	100

Таблица 5 – Сравнительные характеристики тревожно-депрессивного компонента, агрессии и алекситимии у лиц с конгруэнтной и трансформированной гендерно-ролевой идентификацией

Респонденты	Уровень депрессии по шкале Цунга, М ± m	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, М ± m		Уровень алекситимии по TAS, М ± m	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, М ± m	p
		личностная	ситуатив-я			
Маскулинные юноши	50 ± 2	44 ± 2	47 ± 2	63 ± 2,8	17 ± 0,8	p≤0,05
Фемининные юноши	45 ± 1	37 ± 1	42 ± 1	65 ± 1,6	17 ± 0,7	p≤0,05
Фемининные девушки	54 ± 2	48 ± 3	55 ± 2	49 ± 1	13 ± 0,4	p≤0,05
Маскулинные девушки	45 ± 3	42 ± 5	42 ± 3	57 ± 5	18 ± 1,8	p≤0,05

Таблица 6 – Сравнительные характеристики тревожно-депрессивного компонента, агрессии и алекситимии у мигрантов с конгруэнтной гендерно-ролевой идентификацией

Респонденты	Уровень депрессии по шкале Цунга, М ± m	Уровень тревоги по шкале Спилбергера – Ханина, М ± m	Уровень алекситимии по TAS, М ± m	Уровень агрессивности по опроснику Почебут, М ± m	p
Маскулинные юноши	44 ± 4,5	39 ± 4,5	60 ± 5,3	20 ± 4	p≤0,05
Фемининные девушки	47 ± 5	47 ± 2,8	58 ± 4	16 ± 5,5	p≤0,05

За период проживания за рубежом от 1 до 3 лет 70 % респондентов имели трансформированную гендерно-ролевую идентификацию, у них наблюдались сравнительно высокие средние показатели депрессивности по шкале Цунга (49 ± 1,2), личностной (41 ± 2,7) и ситуативной (45 ± 1,6) тревожности, алекситимии (64 ± 1,7) и низкий средний уровень агрессивности (16,9 ± 1). У респондентов, проживающих за границей от 3 до 5 лет, отмечались: снижение депрессии (40 ± 0,8), личностной (35 ± 2,2) и ситуативной (39 ± 1,7) тревожности, алекситимии (56 ± 3,8) и нарастание агрессивности (19 ± 1,3).

Уровни депрессии, личностной и ситуативной тревожности у респондентов с трансформированной гендерно-ролевой идентификацией ниже, чем у респондентов контрольной группы. Наиболее высокий средний уровень алекситимии (65 ± 1,6) наблюдается у юношей с преобладающей фемининностью, самый низкий (49 ± 1) – у фемининных де-

вушек. Средний уровень агрессивности у юношей одинаков, независимо от их полоролевой идентификации, а у маскулинных девушек он значительно выше (18 ± 1,8), чем у фемининных (13 ± 0,4).

У мигрантов с конгруэнтной гендерно-ролевой идентификацией наблюдается значительное снижение тревожно-депрессивного аффекта наряду с повышением агрессивности.

Таким образом, в ходе исследования было доказано, что миграция сопровождается гендерно-ролевой трансформацией. Респонденты, обучающиеся на родине, имели конгруэнтные гендерные роли: маскулинные юноши составили 91 %, фемининные девушки – 82 % (см. таблицу 1). В то время, как у юношей-мигрантов преобладала фемининность (73 %), у девушек-мигрантов – маскулиность (78 %) (см. таблицу 2). Трансформация гендерных ролей является следствием процесса миграции, но не его причиной.

Респонденты с инверсией гендерных ролей имели сравнительно низкие показатели депрессии (45 ± 2) у юношей и девушек, низкие средние показатели тревоги (42 ± 2) у юношей и девушек, нежели респонденты контрольной группы ($52 \pm 1,5$) и ($51 \pm 1,9$) соответственно; но маскулинные девушки показали наиболее высокий процент агрессивности ($18 \pm 1,8$), ($P \leq 0,05$). Максимальная среди исследуемых групп алекситимия принадлежала фемининным юношам ($65 \pm 1,6$). Корреляции между гендерной направленностью и аффективными компонентами выявлено не было. Алекситимия отрицательно коррелировала с депрессией и агрессией ($r = -0,430$; $P \leq 0,05$) и ($r = -0,663$; $P \leq 0,001$) соответственно (см. таблицу 3).

За период проживания за рубежом от 1 до 3 лет 70 % респондентов имели трансформированную гендерно-ролевую идентификацию, у них наблюдались сравнительно высокие средние показатели депрессии по шкале Цунга ($49 \pm 1,2$), тревожности ($45 \pm 1,6$), алекситимии ($64 \pm 1,7$) и низкий средний уровень агрессивности ($16,9 \pm 1$). У респондентов, проживающих за границей от 3 до 5 лет, отмечались: снижение депрессии ($40 \pm 0,8$), тревожности ($35 \pm 2,2$), алекситимии ($56 \pm 3,8$) и нарастание агрессивности ($19 \pm 1,3$), ($P \leq 0,05$) (см. таблицу 4).

Респонденты с конгруэнтной гендерно-ролевой идентификацией имели повышенные средние показатели депрессии относительно мигрантов, причем среди фемининных девушек показатель депрессии был выше (54 ± 2), чем у маскулинных юношей (50 ± 2). Средний уровень тревожности также оказался выше: 47 ± 2 у маскулинных юношей и 55 ± 2 у фемининных девушек, ($P \leq 0,05$). Фемининность положительно коррелировала с тревожностью ($r = 0,445$; $P \leq 0,05$), а маскулинность – отрицательно ($r = -0,578$; $P \leq 0,05$). Самые низкие средние показатели алекситимии и агрессивности принадлежали фемининным девушкам (49 ± 1) и ($13 \pm 0,4$), ($P \leq 0,05$) соответственно. Между фемининностью и агрессией у девушек наблюдалась отрицательная взаимосвязь ($r = -0,438$; $P \leq 0,05$) (см. таблицу 3). Показатель агрессивности у маскулинных и фемининных юношей был одинаков ($17 \pm 0,7$) и корреляции с гендерной идентификацией обнаружено не было (см. таблицу 5).

Среди мигрантов у 10 % юношей доминировала маскулинность. Средний уровень тревожности составлял $39 \pm 4,5$, депрессии, $44 \pm 4,5$, агрессивности 20 ± 4 ($P \leq 0,05$), т. е. наблюдалась низкая выраженность тревожно-депрессивного аффекта и повышенный уровень агрессивности. 22 % фемининных девушек имели следующие показатели: средний уровень тревожности $47 \pm 2,8$, депрессии 47 ± 5 , агрессивности $16 \pm 5,5$ ($P \leq 0,05$) (см. таблицу 6). В данном случае также наблюдалось сни-

жение тревожно-депрессивного аффекта наряду с повышением агрессивности. Повышение уровня агрессивности говорит о снижении тенденции к социальной адаптации. Следовательно, ригидная приверженность “стереотипному” гендерно-ролевому поведению у мигрантов говорит о сужении спектра МПЗ, возможном наличии диссоциального или эмоционально неустойчивого радикала и тенденции к стойкой социальной дезадаптации.

Инверсия гендерных ролей – это закономерный механизм адаптации, возникающий в условиях миграции. Личность, не способная подвергнуть трансформации свои роли в новой этнокультуральной среде, реализует свои потребности посредством деструктивной агрессии, состоящей как из гетеро-, так и аутоагрессивного компонентов.

Литература

1. Миграционная ситуация в Кыргызстане. URL / <http://www.mirpal.org>.
2. Буркало Н.И. Этнокультурные особенности полоролевой идентификации личности в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.И. Буркало. Киев, 2010.
3. Усова Н.В. Социально-психологические факторы субъективного благополучия личности в условиях миграции / Н.В.Усова // Психология, социология и педагогика. 2012. № 9.
4. Ялом И. “Экзистенциальная психотерапия” / Ирвин Д. Ялом; пер. Т.С. Драбкиной М.: “Класс”, 1999. С. 4–5.
5. Фрейд З. “Торможение. Симптом и тревога” / З. Фрейд Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды; под ред. М.В. Ромашкевича. М., 2005. С. 15–79.
6. Берн Ш. Гендерная психология: Законы мужского и женского поведения / Ш. Берн; пер. С. Рысва. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 320.
7. Eagly, A.H. and M. Mladnic. Gender Stereotypes and Attitudes Toward Men and Women // Personality and Social Psychology Bulletin 15 (December 1989): 543–58.
8. Condry J., Condry, S. Sex Differences: A study in the Eye of the Beholder Child Development 47 // Myths of Gender, Biological Theories about Women and Men, 1992. P. 150.
9. Jeffrey Z. Rubin, Frank J. Provenzano, Zella Luria. The eye of the beholder: Parents' views on sex of newborns // American Journal of Orthopsychiatry: 512–519. DOI: 10.1111/j.1939–0025. 1974. tb00905.x
10. Hildebrandt, K. Fitzgerald. Facial feature determinants of perceived infant attractiveness // Behavior and Development. 1979. № 2. 329–339.
11. Parsons T. О социальных системах / Т. Parsons. М.: АкадемКнига, 2002. С. 98.
12. Робертсон Р. Введение в юнгианскую психологию / Р. Робертсон. Ростов-н/Д, 1992. С. 6.